

Антуан Франсуа Прево (аббат Прево)

1 апреля 1697 г. - 25 ноября 1763 г.

Аббата Прево всю жизнь сопровождала скандальная слава. Однако ни гонения властей, ни осуждение со стороны современников не отравляли ему жизнь. Напротив, в частых скитаниях по свету этот необычный человек всегда находил то, что искал — новую любовь!

«Прочитали ли Вы «Манон Леско»? Там всего-навсего одно удачное сравнение: девушка была до того хороша, что могла бы восстановить в мире язычество»;

«Просмотрите же «Манон Леско», а потом бросьте ее в огонь; но один раз ее прочесть следует!»;

«Книга написана с таким мастерством и так занимательно, что даже порядочные люди сочувствуют мошеннику и публичной девке», — комментировала «Парижская придворная и городская газета».

Самое удивительное, что автор действительно был аббатом! Он принес монашеский обет, был посвящен в духовный сан, а под конец жизни даже имел свой приход. К чему, наверное, относился с иронией. Потому что всю свою жизнь он только и делал, что проповедовал огромной читательской аудитории о грешной и чувственной любви, служителем которой на самом деле и являлся. Что о нем только не говорили?! Такое количество любовных приключений делает честь даже Дон Жуану!

Историкам понадобилось немало труда, чтобы очистить биографию Антуана Франсуа Прево д'Экзиля от выдумок и домыслов. И, несмотря на это, никто никогда не скажет с уверенностью, что именно эти перипетии жизни мятежного аббата, именно этот приключенческий роман и есть его подлинная биография.

Столь удивительных жизненных коллизий ничто не предвещало. Он родился в почтенной буржуазной семье, учился в иезуитской школе и с самой юности готовил себя к духовной карьере. Он должен был стать вполне обычным аббатом. Но так уж случилось, что в 1697 году на свет появился не аббат, а поэт...

Родиться — значит пошутить

Левьен Прево был королевским прокурором в маленьком Эдене, городке, который несколько десятилетий кряду переходил то во владения Франции, то Испании. Французским он стал только в 1659 году после завершившейся очередной франко-испанской войны.

День рождения второго сына, надо думать, вызвал шквал шуток у судейской братии. Поскольку, если верить популярнейшему французскому словарю Треву, первого апреля французы не упускают случая посмеяться. В этот день и родился будущий автор «Манон Леско».

Когда Антуан Франсуа подросток, его определили в эденский иезуитский колледж. Иезуиты прочили талантливому юноше большое будущее! После окончания заведения они уговорили господина прокурора — отца Антуана Франсуа — отправить его учиться в одно из крупнейших учебных заведений Франции: училище Генриха IV в городке Ла Флеш, которое называли центром гуманитарных и теософских наук. Долго упрашивать прокурора не пришлось. Весь цвет учащихся королевства стекался туда, и прокурор не желал, чтобы его сын уступил другим в учености.

*Utrechtse Vrede geslooten,
in 't jaar 1713.*

Уже тогда пятнадцатилетний юноша был страстно влюблен... в Иисуса. Как заметил Анатоль Франс, «есть такие пламенные натуры: они горят, не угасая, но огонь их меняет свою пищу». Наверное, поэтому через три года юный неопит, не задумываясь, поменял так удачно складывающуюся карьеру на будни простого солдата. Его душа ждала подвигов. В мечтах он получал офицерское звание, совершал героические поступки, спасал родину, чины следовали один за другим! И он опоздал совсем чуть-чуть. Многолетняя война за «испанское наследство» недавно окончилась. Утрехтский мир положил конец всем надеждам на военную карьеру. Прево выдали белый мундир, завили над ушами букли, сзади уложили волосы в кошель, дали мушкет и заставили маршировать. Он разозлился и... дезертировал.

VATICAN ET L'EGLISE DE S. PIERRE A ROME. Par G. de Rossi, in l'Annee, A AMSTERDAM. Chez PIERRE MARTIN.

Воинский устав был так похож на монастырский! Принять молодого человека обратно иезуиты не захотели. Они уже не надеялись удержать его в своих стенах. Целый месяц юноша обивал пороги. Умолял, раскаивался, а потом отправился в Ватикан, к папе. С жалобой на иезуитов.

Встреча с папой так и не состоялась. В дороге Прево тяжело заболел, деньги кончились... И тут, как в авантюрном романе, так популярном в то время, ему на помощь пришел «добрый самаритянин» — некий офицер, который ссудил несчастного деньгами, определил в больницу, навещал его, поил, кормил. И в тот момент, когда растроганный Прево был готов назвать его другом или братом, открылась истинная причина этих благодеяний. Офицер оказался вербовщиком! Он предложил молодому человеку вступить в ряды французской армии. А когда тот отказался, предъявил ему счет на значительную сумму и пригрозил судом. Существует версия, что претензии «благодетеля» не были беспочвенными, и Прево действительно подписал контракт.

В этот раз служба была приятнее, чем в первый. Вероятно, молодой человек служил офицером — происхождение позволяло ему быть им. И как каждый мушкетер в те времена, он предавался забавам и любви. Но в какой-то момент проигрался в кости. Отец-прокурор был в бешенстве, и сын, спасаясь от преследования бывших друзей и властей, убежал в Голландию.

Her Merry Accident, or a Court in the Morning. A Chair a Chair for the Lady.

*Who Rides Fastest, Miss Kitty Fish-r, or Her Gay Gallant, least you like poor Kitty come all to Mill Goll.
Printed at the Theatre, in the Strand, by W. Dilly.*

Отсидевшись там некоторое время, он решил вернуться домой. И вот по дороге во Францию случилось непредвиденное — впервые в его жизни.

Он встретил ее: «Она показалась мне столь очаровательной, что я, который никогда прежде не задумывался над различием полов, никогда не смотрел внимательно ни на одну девушку и своим благоразумием и сдержанностью вызывал общие похвалы, мгновенно воспыал чувством, охватившим меня до самозабвения».

Ту, в кого он так мгновенно и страстно влюбился, везли в Луизиану. Так осуществлялась в те годы колониальная политика Франции. Владения в Новом Свете заселяли в первую очередь осужденными. Часто преступники и преступницы вступали в фиктивный брак. Для мужчин это был шанс начать жизнь заново, а для женщин — просто выжить. «Молодоженов поневоле» сковывали попарно, а женщин-одиночек — по шестеро. По прибытии они доставались переселенцам по жребию.

Игра воображения

«Среди дюжины девиц, скованных по шести цепями... была одна, вид и наружность которой столь мало согласовывались с ее положением, что в любых других условиях я принял бы ее за даму, принадлежащую к высшему классу общества».

Неизвестно, что натворила возлюбленная Прево и в чем ее обвиняли, но он решил «следовать за ней, хотя бы на край света». В Америке он будет свободен в своей любви, а самое главное, облегчит «хоть сколько-нибудь тяготы путешествия и будущей жизни несчастному этому созданию». Но идти за ней ему пришлось недолго: болезнь опять приковала его к кровати. И пока он метался в бреду лихорадки, арестанток привезли в Ла-Рошель, посадили на корабль, и он потерял ее навсегда.

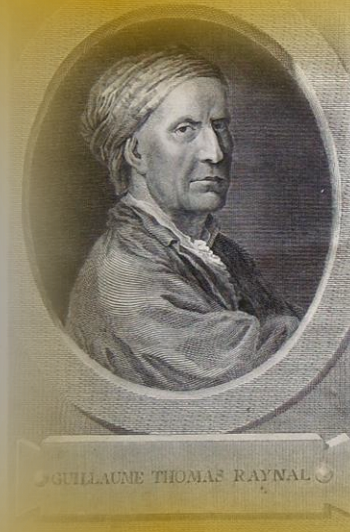
Все это время мысли о духовной карьере не посещали Прево. Но теперь, когда жизнь и любовь закончились, келья привиделась ему единственным способом как-то скоротать остаток дней. Отныне его приютом стал бенедиктинский монастырь Сен Вандрий около Руана. «Я с таким прилежанием взялся за занятия, что в немного месяцев сделал огромные успехи. Я занимался и ночью, а днем не терял даром ни минуты. Слава моя так прогремела, что меня уже поздравляли с будущим саном, который не мог меня миновать».

В 1721 году Антуан Прево принес монашеский обет.

Все это время господин прокурор был уверен, что его сына носят черти, к которым он его послал. Каково же было его удивление, когда он обнаружил сына, распростершегося на полу кельи и не отрывающегося от Распятая.

Однако ни изучение древних книг, ни преподавание теологии, ни усмирения плоти не могли удержать его в монастыре. Единственной отдушиной были редкие проповеди в соборе. Он говорил о соблазнах мира и слабостях плоти, а голубые и карие глаза прихожанок, умиленные и увлажненные, не могли оторваться от красивого монаха, так приятно рассказывающего о грехе. Прево, в свою очередь, тоже не мог не замечать этих взглядов из-под напудренных локонов, кружев и бантов. Его неудержимо влекло наружу. И он стал подавать прошения в другие монастыри. За семь лет монашеской службы Прево сменил восемь обителей — ни одна не оказалась пригодной для «негодного» монаха. В одном из писем Прево признается: «...я ни в какой степени не годен для монашества...»

Но кельи монастырей Блан-Манто и Сен-Жен открыли удивительный талант этого человека. Спрятанная за монашескими стенами недоступная мирская жизнь, вкус которой он однажды почувствовал, безудержно завладела его воображением. Он стал писать. «Записки знатного человека, удалившегося от света» появились в печати в 1728 году и принесли автору огромную славу.

HISTOIRE
PHILOSOPHIQUE
ET POLITIQUE
DES ETABLISSEMENS ET DU COMMERCE
DES EUROPEËNS DANS LES DEUX INDES.
Par GUILLAUME-THOMAS RAYNAL.
TOME PREMIER.

A PARIS,
Chez BERRY, Libraire, rue Nicaise.
3.e année de l'ère Républicaine.

Обрести и потерять

Но аббатом он все-таки стал. В 1726 году епископ Амьенский посвятил его в духовный сан. И Прево получил возможность покинуть обитель и читать проповеди в парижских церквях и приютах.

История, которая произойдет с ним в одном из таких приютов, будет горячо обсуждаться его современниками в салонах и гостиных Парижа. Была ли она подлинной и легла ли в основу знаменитой повести о куртизанке, или это одна из легенд — останется загадкой. Скорее всего, «Манон Леско» — это следствие не одного любовного эпизода, а целая жизнь, которую любвеобильный аббат переосмыслил как поэт.

В приютах тогдашней Франции содержались не только дети-сироты и немощные, но и «женщины легкого поведения». В первую очередь приюты были исправительными заведениями. В одно из таких, Сальпетриер, в октябре 1728 года приехал исповедовать аббат Прево.

Во дворике около старого колодца он увидел узницу... «Ежели истинно то, что небесная помощь в любое мгновение обладает силой, равной силе страстей, пусть объяснят мне, какая же роковая власть совращает вдруг человека со стези долга, почему он теряет всякую способность к сопротивлению и не чувствует при этом ни малейших угрызений совести».

Ее звали Манон... И если на исповеди действительно не лгут, то она оказалась невинной жертвой обмана. Во всяком случае, Прево в этом не сомневался. И жизнь наконец обрела смысл!

Встречаться влюбленным было практически невозможно. За Манон пристально следила настоятельница. В конце концов именно она и застала проститутку в объятиях молодого аббата! Встречи прекратились... Но Прево подключил к делу всех парижских знакомых и через влиятельного придворного добился ее освобождения.

Она умерла у него на руках от какой-то смертельной болезни, которая мучила ее все это время. «Моя душа не последовала за ее душой. Небо считало меня недостаточно сурово наказанным; ему угодно было, чтобы я и дальше влачил томительную и жалкую жизнь...»

Старый колодец, место их первой встречи, давно сломали. Теперь вместо него во дворе приюта Сальпетриер — небольшой фонтанчик, живая скорбь по несчастной любви.

Находясь в жуткой тоске и мучениях, аббат вновь решил покинуть монастырь и тайно поехал в Женеву, где, опять пребывая в поисках самого себя, поменял вероисповедание. Столь смелый шаг мог привести его в тюрьму — во Франции гонения на протестантов были в самом разгаре. Но Прево снова в Париже! О его побеге из монастыря тогда ходило много легенд. Говорили, что он переоделся в женское платье, перебрался через стену с помощью связанных в канат простыней... Так или иначе, но конфликт с церковными властями обострился настолько, что Прево написал настоятелю монастыря гневное письмо с угрозой выступить в печати с разоблачением порядков, царящих в обители. Настоятель обратился в полицию. И 6 ноября 1728 года в полицейском участке был выписан ордер на арест «мужчины среднего роста, блондина с голубыми глазами, круглым лицом».

A.-F. Prévost
HISTOIRE
DU CHEVALIER
DES GRIEUX
ET DE
MANON LESCAUT

ABBÉ PRÉVOST

HISTOIRE
D'UNE GRECQUE
MODERNE

Поздно! Аббат-прелюбодей-вероотступник, облачившись в светское платье, плывет к берегам Туманного Альбиона. Известность Прево растет. Уже в жалобе бенедиктинцев упоминается, что беглый аббат — автор нашумевших «Записок знатного человека». И несмотря ни на что 19 ноября, через две недели после оформления ордера на арест, цензор дает разрешение на публикацию двух следующих томов романа — третьего и четвертого. Романы, которыми зачитывались в XVIII веке, были на удивление длинными. Почти как современные телесериалы, где одно событие переходит в другое, многочисленные сюжетные линии сплетаются и расходятся... «Роман классический, старинный, / Отменно длинный, длинный, длинный...» — писал Пушкин. Мода на такие романы сложилась еще в Средние века. Сначала публика любила рыцарские романы, потом их сменили прециозные (фр. *précieux* первоначально «драгоценный», а затем также «изысканный, жеманный»; от лат. *pretiosus*), любовные. Такие произведения и писал Прево. Погони, похищения, таинственные подземелья и дремучие леса! Но секрет его потрясающей популярности заключается не в одной только занимательности сюжета. В какие бы нереальные ситуации ни ставил он своих героев, их чувства и поступки поразительно правдоподобны.

HISTOIRE
DU CHEVALIER
DES GRIEUX
ET
DE MANON
LESCAUT

А.-Ф. ПРЕВО
ИСТОРИЯ
КАВАЛЕРА
ДЕ ГРИЕ
И
МАНОН
ЛЕСКО

Издание подготовили
М. В. ВАХТЕРОВА и Е. А. ГУНСТ

Второе издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

Манон
Леско

Современный читатель с трудом осилит и «Записки», и «Историю современной гречанки», и «Английского философа, или Историю г-на Кливленда, побочного сына Кромвеля», и другие ныне забытые произведения Прево. Лишь «Манон» — подлинная и безыскусная, как сама жизнь, лаконичная и быстротечная, как сама любовь, осталась в веках. Гениальная для того времени попытка поместить сюжет внутри человеческой души! Генрих Гейне писал, что «после Шекспира никому не удавалось так изобразить любовь, как нашему старому аббату Прево». Психологическую манеру повествования продолжат только писатели XX века, для которых «Манон» стала самым современным из романов.

Ленки-любовь

Пять лет он проведет в изгнании. Англия, Голландия, снова Англия, опять Голландия. Но занятие есть! Он снял балаган и ставит в нем комедии. Директор, автор, актер. А вечерами Прево пишет. Его перо, как всегда, само ходит по бумаге.

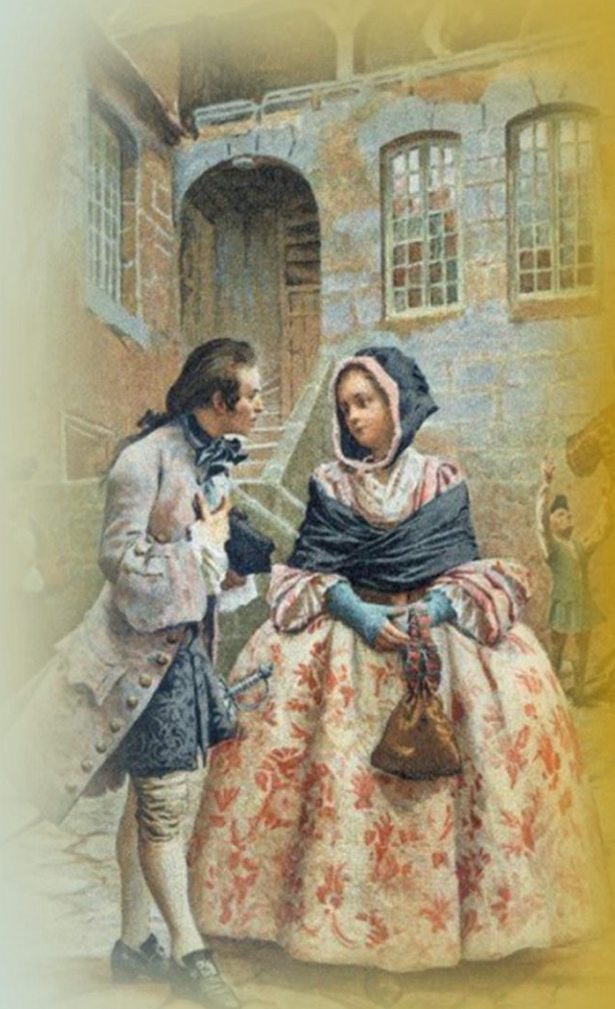
Он служит у английского лорда, воспитывая его сына. И заканчивает тома «Записок», пишет «Английского философа» и, скорее всего, начинает «Манон».

В 1731 году Прево предложит ее амстердамским издателям. И, может быть, гениальный роман, который иногда за краткость называют повестью, не обрел бы такой глубины и искренности, если бы годом раньше, осенью 1730-го, Прево не познакомился с прелестной девушкой.

Это случилось сразу же после его переезда в Голландию. «Сердце мое открылось множеству сладостных чувств, о которых я и не подозревал, нежный пыл разлился по всем моим жилам. Я пребывал в состоянии восторга, на несколько времени лишившего меня дара речи и выражавшегося лишь в нежных взглядах».

Ленки, так звали новую любовь аббата, была куртизанкой, хотя в этом и не признавалась. Она рассказывала, что происходит из добропорядочной семьи, но несчастья преследуют ее всю жизнь. И Прево, конечно, верил.

Одни говорят, что она была швейцаркой, другие — мадьяркой. Может быть, ее звали Элен Экхард. Но эта женщина, вероятно, и сформировала окончательный характер Манон. Она не отказывала себе ни в чем, опустошая и кошелек аббата, и карманы других любовников...

«Манон обладала редкостным даром. Ни одна девица не была так мало привязана к деньгам, как она; но она теряла все свое спокойствие, едва только возникало опасение, что их может не хватить. ...Меня она нежно любила... и все-таки я был почти убежден, что чувство ее не устоит, раз в ней зародятся известные опасения. Обладай я хотя бы средним достатком, она предпочла бы меня всему миру; но я нимало не сомневался, что буду покинут... как только не смогу предложить ей ничего, кроме постоянства и верности».

Голландские книготорговцы «Манон» не оценили! Они и слышать не хотели ни о чем, кроме «Записок знатного человека»! Успех книги баснословный! Публика требует все новые и новые приключения. И Прево, отчаянно нуждаясь в деньгах, согласился написать два новых тома. Но к обещанным он приложил и еще один. «История кавалера де Грие и Манон Леско» — так называется седьмой том «Записок знатного человека». В обращении автору пришлось указать, что эта история никак не связана с событиями многотомного романа. Только так история могла увидеть свет.

Антуан-Франсуа ПРЕВО

ИСТОРИЯ
кавалера де ГРИЕ
и Манон Леско

«За и против»

Еще одним источником радостей стал и для Прево, и для европейских читателей основанный им журнал «За и Против».

Его название — аллюзия, отсылающая к философской поэме Вольтера, напечатанной в 1722 году. Прево издает его семь лет, с 1733-го по 1740-й. Во Франции с интересом следят за политической и общественной жизнью Англии. Всем захотелось узнать, «как живут народы, которые живут не так, как мы». Предшествующий век не обнаружил такого любопытства. Даже о турках мало что знали. Китайского императора воображали философом... Но теперь каждую неделю просвещенная публика обеих стран читает о путешествиях, о событиях в жизни англичан, очерки об Англии, исторические труды. Но акцент Прево делает на английских и французских литературных новинках.

Журнальное детище как нельзя более удалось аббату. Издание полностью соответствовало своему названию. Материалы писались всесторонние и с максимальной объективностью. «За и Против» настолько уважали, что сам Вольтер добился в нем благожелательного отзыва на свои произведения! Так и на новой ниве Прево остался верен себе: от издания невозможно оторваться, настолько оно получилось занимательным и общедоступным. Как и романы, журнал с упоением читали и в дворянской, и в мещанской среде... Вот только дохода от него почти не было.

В какой-то момент Прево поручает издание своему другу. Но через пару номеров посыпались письма! Читатели заметили разницу стилей и потребовали своего автора обратно.

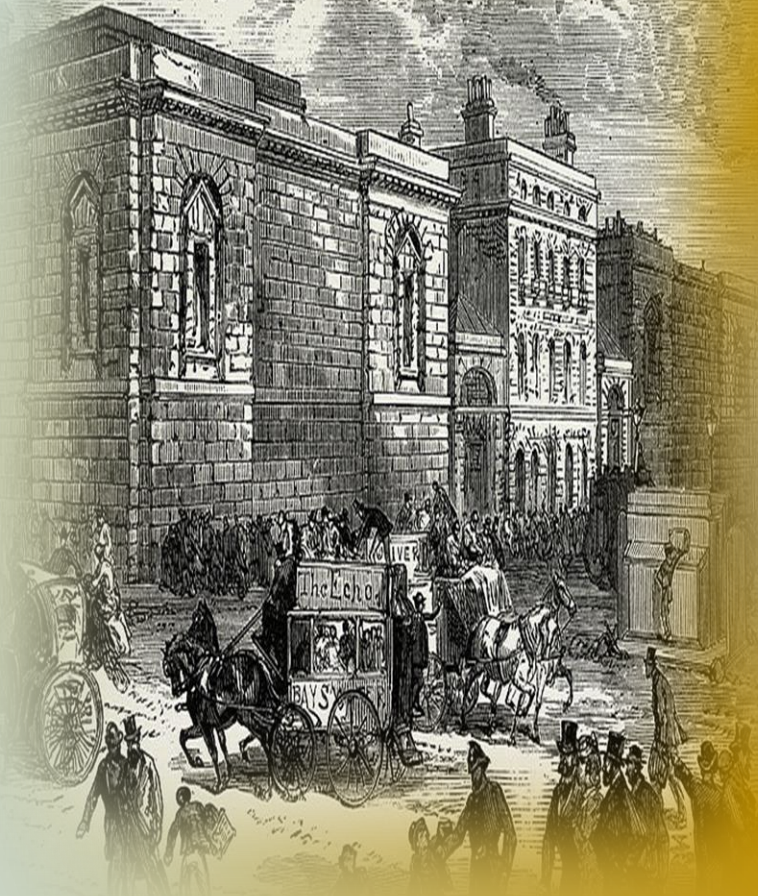
В те же годы писатель закончил огромный роман в восьми томах «Английский философ, или История г-на Кливленда, побочного сына Кромвеля». Дикая пещера, чудовищные острова, пиршества каннибалов, старуха, вскрывающая себе вены, чтобы напоить кровью дочку... Но денег все равно не хватало. В уплату очередной раз пошло его имущество. И даже после торгов он остался должен две тысячи флоринов. Чудовищная сумма!

Прево оказался в крайне тяжелом положении. «Преступно подделал документ с просьбой выдать ему 50 фунтов», — так гласил ордер на арест. Романист, издатель, просветитель, человек, известный всей Европе, вынужден был подделать письмо от имени своего бывшего ученика.

Его сажают в Ньюгейт, одну из английских тюрем. Здесь же, немногим ранее, сидел за долги Даниэль Дефо, собирая материал об отверженных английского общества для романа «Радости и горести Молль Флендерс». Но в отличие от автора «Робинзона Крузо» Прево грозила виселица.

Скандал замяли. Отец аббата оказался великодушным человеком и отказался от мысли преследовать его. Но оставаться в Англии Прево больше не хотел. Возможно, и на этот раз Манон сыграла в его жизни роковую роль. Они расстались. Наверное, Ленки не захотела ждать окончания тюремного заключения и бросила своего де Грие. И мысли аббата, как уже можно предположить, вновь устремились к религии. Он написал и в Ватикан, и в Париж — просил прощения. Папа Климент XII в июне 1734 года отпустил монаху все его грехи, простили его и бенедиктинцы. Отныне он должен будет жить в монастыре и пройти новое послушание.

Ньюгетская тюрьма (Newgate Prison)

Возвращение на родину пришлось как раз на тот момент, когда «Манон Леско» была наконец напечатана и прочитана. Целых два года Франция отстаивала свои «целомудренные» бастионы. И даже известная парижская издательница вдова Делон, несмотря на шумный успех и отзывы голландской прессы, не напечатала седьмой том «Записок знатного человека». И, может быть, резонанс не был бы таким сильным, если бы «Манон» не появилась отдельным изданием, на титуле которого значилось: «Сочинения господина Д.».

Большая часть французской публики так и не смогла прочитать ее сердцем! И не увидела в ней историю великой любви, подобную Ромео и Джульетте, Тристану и Изольде, Энею и Дидоне. Ведь в сущности литературная Манон согрешила только раз, о чем раскаивалась до конца своей жизни. И ветреность ее характера — это всего лишь опасения де Грие, влюбленного и потому сомневающегося: «Любовь, любовь, неужели ты никогда не уживешься с благоразумием?»

«К «Истории Манон Леско» можно кое-что добавить, — писала «Парижская придворная и городская газета». — Эта книжечка, только что начавшая привлекать к себе всеобщее внимание, на днях запрещена. Помимо того, что в ней почтенным людям приписываются поступки, мало достойные их, порок и распущенность описаны сочинителем так, что не вызывают к себе должного отвращения».

Но запрет только усилил интерес к книге. Ее привозили из Голландии и Англии. Вполне вероятно, что и сам Прево принял участие в столь выгодном коммерческом предприятии. А пользуясь тем, что публика не знала автора романа, он выступил в его защиту на страницах своего журнала. Хотя для людей просвещенных и талантливых шедевры в защите не нуждались. «Не найдется порядочного человека, который, выслушав повесть о бедствиях де Грие, — век спустя писал Александр Дюма-сын, — не позавидовал бы ему. Ибо тот, кто не любил тебя, Манон, тот не познал всех глубин любви». Восхищенные отзывы о повести можно перечислять бесконечно. И под каждым — великое имя. В скором времени появилось даже продолжение истории «Манон». Якобы она осталась жива и решила уйти в монастырь, но тут в нее влюбился друг кавалера де Грие...

«Я плохо служу мессы»

И вдруг в 1736 году принц Конти, кузен короля, пригласил аббата в Париж. В свою свиту, на должность придворного священника!

«Я плохо служу мессы», — признался аббат. «А я их плохо слушаю», — успокоил его принц. Таким образом, должность оказалась только номинальной. Никаких обязанностей и... никакого жалованья. Но во всех литературных и светских салонах с радостью принимают знаменитого писателя и свитского священника.

Но тут снова появляется прекрасная девушка — мадам Честер, а может быть, все та же Ленки... И снова дает о себе знать безденежье, «сия докучливая болезнь».

В одном из писем Вольтеру Прево просит его похлопотать о должности при дворе прусского короля. Но денег нет даже на дорогу в Берлин.

Английское чаепитие в Париже у герцога Конти, покровителя Прево.

General View of the City of Paris
L'ensemble de la Ville de Paris

Ехать все-таки пришлось. Вернее, бежать! Он имел неосторожность или необходимость помочь одному из журналистов в редактировании материала. «Желтая пресса» существовала во все времена. Во Франции на тот момент были очень популярны рукописные журналы сплетен и светских слухов, которые *journalistes a la main*, «делатели журналов», тайно рассылали своим подписчикам. Один из влиятельных людей посчитал себя оскорбленным, началось расследование... Начальник полиции предложил Прево покинуть на время Францию. Он провел в изгнании полтора года. Бельгия, Германия... И к своей фамилии печально добавил «д'Экзиль» — изгнанник. А потом, вернувшись, Прево снял маленький домик под Парижем, в Шайо, где когда-то останавливались кавалер де Грие и Манон Леско. «Вид прелестный, — писал аббат другу. — Пять или шесть друзей навещают меня, и мы смеемся над безумными волнениями рода человеческого. Для остального мира моя дверь закрыта». В 1740-х годах он занялся переводом Ричардсона.

Сэмюэл Ричардсон
Британский писатель

Когда-то давно он видел этого уже немолодого человека отрешенно гуляющим по лондонским паркам и казавшимся безразличным ко всему, что было за пределами его черепной коробки. Его воображение создавало Памелу и Клементину... Литературный вкус никогда не изменял аббату. Одним из первых он угадал в появившихся романах будущего основоположника нового жанра, продолжателя его собственных психологических традиций. «Она влюблялась в обманы / И Ричардсона, и Руссо », — так спустя десятилетия будет характеризовать свою сентиментальную Татьяну Пушкин. И вполне возможно, что дремавший под ее подушкой тайный томик и был тем самым «Грандиссоном» в замечательном переводе Прево. «Клариссу» Ричардсона издали во Франции в 1751-м, а знаменитого «Грандиссона» уже после его смерти, в 1775-м.

Но сам Ричардсон переводами доволен не был. Из романов исчезла значительная часть его текста. Переводчик, написавший изрядное количество собственных романов, грешащих длиннотами, сокращал чужие. Невольно возникает мысль, что Прево давным-давно осознал неизбежный конец эпохи длинных романов. И оказал тем самым Ричардсону великую услугу. Выразительные и стройные романы в переводах аббата пользовались гораздо большей популярностью, чем авторские.

В 1754 году аббат наконец получил и приход, и бенефиций, за счет которого мог относительно безбедно жить в тихом парижском предместье Сен Фирмен у почтенной вдовы Катрин де Женти.

Он работал до последнего дня. Незаконченной осталась заказанная ему история рода принцев Конде и Конти.

Днем 25 ноября 1763 года Прево отобедал в бенедиктинском монастыре Сен-Никола и отправился на прогулку. По дороге он почувствовал недомогание и хотел присесть на постамент около придорожного креста. Но так и не дошел... Возвращавшийся в деревню крестьянин застал символичную картину смерти аббата, так и не сумевшего прийти к Богу.

